

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.05

Малышева Ольга Геральдовна

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
MalyshevaOG@mgu.ru

Гарькавый Игорь Владимирович

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
igarkav@gmail.com

СУДЬБА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА: ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВИН (1867/68–1937)

Аннотация. Федор Александрович Головин — выдающийся политический деятель, член партии кадетов, председатель II Государственной думы Российской империи. В статье реконструируются важнейшие события в политической биографии Ф. А. Головина, начиная с работы земским гласным и заканчивая последним арестом и казнью в 1937 г. Особое внимание уделено его участию в деятельности Конституционно-демократической партии и работе в Государственной думе в качестве ее председателя. Рассмотрены также политические взгляды Ф. А. Головина.

Ключевые слова: Федор Александрович Головин, II Государственная дума, Конституционно-демократическая партия, Большой террор, «бывшие люди», Бутовский полигон.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.05

Malysheva Olga G.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
MalyshevaOG@mgpu.ru

Garkavy Igor V.

Postgraduate Student
Moscow City University
Moscow, Russia
igarkav@gmail.com

THE FATE OF THE RUSSIAN POLITICIAN: FEDOR ALEKSANDROVICH GOLOVIN (1867/68–1937)

Abstract. Fedor Aleksandrovich Golovin is an outstanding political figure, a member of the Cadets Party, Chairman of the Second State Duma of the Russian Empire. The article reconstructs the most important events in the political biography of F. A. Golovin, starting from his work as a zemstvo vowel and ending with his last arrest and execution in 1937. Particular attention is paid to his participation in the activities of the constitutional democratic party and work in the State Duma as its chairman. The political views of F. A. Golovin are also considered.

Keywords: Fedor Alexandrovich Golovin, Second State Duma, Constitutional Democratic Party, Great Terror, “former people”, Butovo polygon.

Введение. Трагические события восьмидесятипятилетней давности прочно вошли в историю нашей страны под названием «Большой террор». Эта проблема остается весьма дискуссионной и актуальной. Большая часть репрессированных в период Большого террора (свыше миллиона человек) пришлось на так называемые массовые операции, целью которых была ликвидация антисоветских элементов. Именно этим операциям сегодня исследователи уделяют особое внимание¹. Главной их целью была ликвидация потенциально опасных для сталинского режима групп населения: кулаков, бывших офицеров царской и белой армий, священнослужителей, представителей небольшевистских партий. Все они состояли на учете в органах государственной безопасности. Летом 1937 г. было принято решение «зачистить» представителей этих потенциально враждебных категорий населения.

¹ Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016; Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020 и др.

Примечательно, что в эту категорию врагов попали и бывшие члены Государственной думы Российской империи. Среди них были люди самых различных социальных слоев: крестьяне, священники, инженеры, адвокаты и т. д. Многие из них давно отошли от политики и даже сотрудничали с советской властью. Однако карающего меча им избежать не удалось. Точно неизвестно, какому количеству из них парламентская деятельность стоила жизни. Самый приблизительный анализ биографических данных этих депутатов² красноречиво свидетельствует, что судьба многих из них после установления советской власти просто неизвестна. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что не менее 36 депутатов Государственной думы Российской империи были репрессированы, расстреляны в годы Большого террора. Пятерых из них, включая председателя II Государственной думы Федора Александровича Головина, расстреляли на Бутовском полигоне (Бутовской спецзоне НКВД). Не менее трагична судьба князя Д. И. Шаховского, депутата I Государственной думы, внука декабриста, внучатого племянника П. Я. Чаадаева, которому на момент ареста шел 81-й год. И даже заступничество его друга, академика В. И. Вернадского, который лично ходатайствовал перед прокурором СССР А. Я. Вышинским с просьбой переговорить о судьбе «одного из благороднейших и морально высоких людей, с которыми встречался в своей долгой жизни»³ не повлияло на принятие решения. Пройдя застенки Лубянки, Бутырской и Лефортовской тюрем, он был расстрелян и погребен на еще одном спецобъекте — в Коммунарке.

Авторы настоящей статьи предприняли попытку рассказать об одном конкретном человеке, ставшем жертвой политических репрессий 1937–1938 гг., — Федоре Александровиче Головине. Это был видный московский и российский общественный деятель, член Конституционно-демократической партии, депутат Государственной думы второго и третьего созывов, председатель II Государственной думы⁴.

Ход и результаты исследования. Ф. А. Головин родился в семье потомственных дворян. Точная дата рождения не известна: по одним сведениям, он появился на свет 21 декабря 1867 г., по другим — 2 января 1868 г. Семья Головиных была довольно состоятельной, имела более тысячи десятин земли в Московской, Рязанской, Владимирской и Тульской губерниях. Постоянно семья проживала в Дмитровском уезде Московской губернии, вела уединенный образ жизни. Ф. А. Головин получил прекрасное образование: он учился

² См.: Государственная дума России: энциклопедия. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М., 2006.

³ Там же. С. 720.

⁴ Личность Ф. А. Головина привлекает внимание современных авторов: *Гайда Ф. А.* Головин Федор Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 193; *Гордеев П. Н.* Ф. А. Головин: либеральный политик революционной эпохи // Российская история. 2021. № 1. С. 106–122 и др.

в лицее цесаревича Николая в Москве, затем на юридическом факультете Московского университета, где «по выдержании испытания» в 1891 г. получил университетский диплом. Еще в студенческие годы, на этапе формирования его мировоззрения он, по собственному признанию, испытал большое влияние опального профессора Московского университета, либерала по убеждениям, в недалеком будущем первого председателя Государственной думы России Сергея Андреевича Муромцева. И хотя на момент поступления Головина в университет С. А. Муромцев уже был изгнан из учебного заведения за поддержку студенческих выступлений, Федор Александрович признавался: «...Все же я хорошо знал его по рассказам о нем моего старшего брата, Владимира, и по сохранившимся у него лекциям С. А. Муромцева. Эти рассказы брата были проникнуты преклонением перед авторитетом С. А. Муромцева, пред стойкостью его политических убеждений, перед его гражданским мужеством»⁵.

По окончании университета Ф. А. Головин стал гласным Дмитровского уездного, а затем Московского губернского земства. В 1904 г. был избран его председателем. Так для молодого человека началась успешная карьера общественного деятеля, которую ему удавалось совмещать с должностью мирового судьи Дмитровского уезда. На поприще земской деятельности его путь еще не раз пересекался с С. А. Муромцевым, на тот момент губернским гласным. Это сотрудничество, по признанию Ф. А. Головина, стало настоящей политической школой. Для молодого, начинающего политика это было тем более важно, что в детстве он не отличался красноречием, за что получил в семье прозвище «лицо без речей». Школа ораторского искусства Муромцева оказалась как нельзя более кстати. Сам он с восхищением вспоминал: «Часто приходилось мне наблюдать, как запутанные, продолжительные прения превращались в ораторской лаборатории Муромцева в систему главных и второстепенных положений, логически ведущих к определенному и твердому заключению»⁶. На всю жизнь он сохранил чувство глубокого уважения к этому выдающемуся человеку и яркому политику.

В среде московских общественных деятелей того времени, кроме С. А. Муромцева, тон задавали такие политики, как Д. Н. Шипов — будущий создатель партии «октябристов», Н. И. Астров — один из основателей и активных деятелей Конституционно-демократической партии и др. Ф. А. Головин без колебаний примкнул к земцам-конституционалистам. Он стал активным участником ряда полулегальных и нелегальных общественных организаций: кружка «Беседа», Союза земцев-конституционалистов и Союза освобождения. В 1904–1905 гг. Ф. А. Головин возглавлял бюро земских и городских съездов. Эти общественные организации стали в октябре 1905 г. основным ядром кадетской партии, когда состоялся ее первый учредительный съезд.

⁵ Из записок Ф. А. Головина // Красный архив. Т. 3 (58). М., 1933. С. 142.

⁶ Там же.

Ф. А. Головин не просто активно участвовал в работе учредительного съезда Конституционно-демократической партии, он был избран в состав ее центрального комитета, возглавил Московский губернский комитет кадетской партии, принимал непосредственное участие в выработке программных документов. Вершиной политической карьеры Ф. А. Головина стало его председательствование во II Государственной думе, куда он был избран от Москвы. Вопрос о его выдвижении на пост председателя был единогласно решен еще до начала ее работы 18 февраля 1905 г. на заседании парламентской фракции кадетской партии. На следующий день кандидатура Ф. А. Головина была поддержана всеми думскими фракциями, кроме правых, и избрание его председателем было делом практически решенным.

Позднее в своих воспоминаниях Ф. А. Головин признавался, что согласие стать во главе Думы далось ему непросто, поскольку он прекрасно понимал, в каких непростых условиях придется работать II Думе. Эти настроения в обществе подогривала печать, утверждая, что Дума обречена на гибель в первые же дни существования. Представители правых открыто говорили о необходимости роспуска революционной Думы (состав депутатов II Думы, вопреки ожиданиям и усилиям правительства по формированию в ходе выборов лояльного депутатского корпуса, оказался еще более левым, чем у ее предшественницы).

Ф. А. Головин, по его собственному признанию, понимал, что при таком оппозиционном составе Думы рассчитывать на возможность конструктивной работы с правительством было бы политической наивностью. На долю руководящего центра Думы, прежде всего председателя, ложилась тяжелая и трудновыполнимая работа: «Вести борьбу с властной бюрократией конституционным способом, охраняя самое существование Думы и достоинство народного представительства. С другой стороны, надеяться на перемену кабинета по требованию Думы тоже было невозможно. Следовательно, вопрос сводился лишь к тому, сколько времени просуществует Дума и успеет ли она за время своего несомненно краткого существования сделать хоть что-либо полезное для народа»⁷.

Понимал он также и то, что глава учреждения, обреченного на гибель, неизбежно столкнется с ненавистью, насмешками, злобной критикой его действий, станет мишенью для нападок не только со стороны врагов, но даже со стороны друзей и единомышленников. Раздраженные неудачами народного представительства, они будут думать, что часть этих неудач могла бы быть устранена более умелыми действиями и поведением председателя Думы.

Опасения Ф. А. Головина полностью оправдаются: впоследствии его будут неоднократно обвинять в неудачно избранной тактике, которая сводилась к достижению согласия между различными политическими силами,

⁷ Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 139.

представленными в Думе и установлению делового сотрудничества с правительством. И тем не менее, отдавая отчет, что на председательском кресле он будет чувствовать себя «как на бочке с порохом вблизи падающей искры», он, не колеблясь ни минуты, заявил, что подчиняется решению фракции, и поблагодарил за оказанные ему высокую честь и доверие. На долю Ф. А. Головина выпала нелегкая задача: с одной стороны, выполнить поручение центра «беречь Думу прежде всего», с другой — противостоять намерениям правых «сорвать Думу во что бы то ни стало» и левых — «использовать Думу как трибуну для пропаганды революционных идей»⁸. Сам он позже говорил, что ни один из председателей всех четырех дореволюционных дум не был в столь трудном положении, как он.

Делясь своими впечатлениями от состава II Государственной думы, который, вероятно, с председательского кресла виделся несколько иначе, чем остальным депутатам и современникам, Ф. А. Головин давал следующие характеристики. «Левое крыло Думы невольно поражало множеством слишком молодых для ответственного дела народного представительства лиц, и при этом не интеллигентных. На фоне этой некультурной левой молодежи редкими пятнами выделялись серьезные умные лица некоторых образованных народных социалистов, социалистов-революционеров, двух-трех трудовиков и стольких же социал-демократов. Но, повторяю, общая масса левых отличалась тупым самомнением опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодежи. Все же вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомненная бескорыстность и готовность к самопожертвованию ради торжества их принципов возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя». А Головин пытался сохранить положенную председателю Думы роль «беспристрастного наблюдателя»⁹.

Иная тональность присуща его характеристикам правого крыла Думы. Здесь, по его мнению, «прежде всего, бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или о вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе, и с первых же дней старавшихся уронить ее достоинство, добиться ее роспуска, мешавших ее работе и не скрывавших даже своих радостей при ее неудачах. И на это крыло, шумевшее, готавшее, кривлявшееся, было противно смотреть, как на уродливое явление: народные представители, не признающие и глумящиеся над народным представительством!»¹⁰.

По своему статусу председатель Государственной думы был единственным членом нижней палаты, который обладал правом «всеподданнейших

⁸ Воспоминания Ф. А. Головина... С. 161.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 162.

докладов» лично императору. Ф. А. Головин за 103 дня существования II Думы трижды удостоился аудиенции у Николая II. Позднее, в 1917 г., давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, он так вспоминал об этом: если 21 февраля 1907 г., в ходе первой аудиенции на следующий день после открытия II Думы, императора интересовал вопрос возможности создания в нижней палате работоспособного большинства, он говорил о важности дружной совместной работы с правительством и даже высказывал пожелания успешной работы Думе, то уже в марте вторая беседа императора со спикером велась в ином политическом тоне. Император Николай II недвусмысленно дал понять Головину, что возглавляемая им Дума «представляет опасность для государственного порядка и спокойствия, как трибуна для пропаганды всевозможных революционных идей». Еще более категоричен император был при третьей встрече 19 мая 1907 г. Он обвинял Головина в том, что Государственная дума «неработоспособна, работоспособный центр ее слишком незначителен, а следовательно, те задачи, которые перед нею лежат, ею выполнены быть не могут, и стало быть, единственный выход, это — ее роспуск и затем созыв новой»¹¹. При этом император Николай II не скрывал своего намерения изменить избирательный закон с тем, чтобы исключить возможность создания оппозиционного думского большинства.

3 июня 1907 г. II Государственная дума была распущена указом императора Николая II. Власть предъявила Думе серьезные обвинения, в том числе то, что она стремилась «увеличить смуту и способствовать разложению государства». Ф. А. Головин, понимавший свою ответственность перед обществом в этой ситуации, скрупулезно, по пунктам манифеста о роспуске Думы вступил в одностороннюю полемику с верховной и исполнительной властью. Отвечая в своем дневнике на обвинения, выдвинутые в адрес Думы, а следовательно, и его как председателя, он с горечью писал, что «во всей этой грязной истории был действительно заговор, но не заговор 55 членов Думы против государства, как то утверждается в манифесте, а заговор Столыпина и К^о против народного представительства и основных государственных законов»¹².

Для Федора Александровича Головина роспуск II Государственной думы и его отставка с поста председателя стали личной трагедией. Он заметно охладел к политической деятельности вообще. Осенью 1907 г. Ф. А. Головин вновь был избран депутатом Государственной думы третьего созыва от Москвы, но оставался в ней рядовым депутатом, работая в Крестьянской комиссии. При первой же возможности, в октябре 1910 г. он сложил депутатские полномочия в связи с получением железнодорожной концессии, считая недопустимым совмещение этих двух занятий.

¹¹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 366–373.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1625. Оп. 1. Д. 6. Л. 343.

Разуверившись в возможности преобразования России парламентским путем, Головин стал заметной фигурой среди масонов. В 1908 г. он был избран в Верховный совет русского масонства, затем членом Верховного совета «Великого Востока народов России», в 1912, 1913 и 1916 гг. — участник конвентов вольных каменщиков.

В 1912 г. о заслугах Ф. А. Головина как видного общественного деятеля вспомнили, и он был избран главой города Баку. Однако наместник Кавказа не утвердил его в этой должности за принадлежность к кадетской партии.

Новый всплеск общественной и политической активности Ф. А. Головина пришелся на начало Первой мировой войны. Он активно включился в создание и деятельность ряда общественных организаций и обществ: стал одним из учредителей и членом исполнительного бюро, а с января 1916 г. — членом совета общества «Кооперация»; возглавлял Общество помощи жертвам войны; был председателем правления Московского народного банка; участвовал в работе Всероссийского союза городов.

Февральскую революцию Ф. А. Головин принял восторженно и начал активно сотрудничать с Временным правительством. 8 марта 1917 г. он был назначен комиссаром Временного правительства в бывшем Министерстве императорского двора и уделов, в ведении которого были императорские театры, музеи и другие учреждения культуры. Эту должность он занимал до Октябрьской революции, после которой был отстранен от нее новой властью.

После прихода к власти большевиков Ф. А. Головин остался в Советской России и даже служил в советских учреждениях. Так, в июле – августе 1921 г. он был одним из членов Всероссийского комитета помощи голодающим (ВСЕРПОМГОЛ). 27 августа 1921 г. по распоряжению В. И. Ленина вместе с членами комитета Ф. А. Головин был арестован и заключен под стражу. После освобождения из тюрьмы Головин не покинул Россию на «философском пароходе», как некоторые из его товарищей по ВСЕРПОМГОЛу, а остался на родине и даже продолжал работать в советских учреждениях вплоть до выхода на пенсию в преклонном возрасте. Будучи пенсионером, он жил с женой и двумя дочерьми в Москве по адресу: Большой Козихинский переулок, дом 27, квартира 7, где и был арестован 17 сентября 1937 г.

К этому времени, казалось бы, все политические баталии для семидесятилетнего Ф. А. Головина остались в прошлом и его жизнь окончательно вошла в мирное русло. Однако напомним, что именно в это время в рамках «кулацкой операции» НКВД, развернувшейся по всей территории Советского Союза по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г., по «репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» с особой жестокостью проходила зачистка общества от «бывших людей», под которыми подразумевались «члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники царской России, каратели, бандиты, реэмигранты...»¹³. Конечно, особая роль,

¹³ См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских

которую сыграл Ф. А. Головин в истории российского парламентаризма, его политическая и общественная деятельность, вряд ли давала ему шансы избежать ареста в дни Большого террора. Однако имел место также фактор случайности.

Из материалов следственного дела видно, что в поле зрения органов госбезопасности Головин попал в первую очередь в результате упоминания на допросе его имени Михаилом Хрисанфовичем Готовицким, о котором необходимо сказать несколько слов.

М. Х. Готовицкий (1876–1937) — дворянин, политический деятель начала XX в., либерал, участник земского движения, член партии кадетов. Занимался активной общественной деятельностью в Камышинском уезде Саратовской губернии. В 1912 г. был избран в члены Государственной думы от Саратовской губернии. Работая в Думе, неоднократно пересекался с Ф. А. Головиным. Входил во фракцию Центра, был членом Прогрессивного блока. При советской власти несколько раз был арестован. Вполне логично, что с началом активизации борьбы с «бывшими людьми» он попал в разработку НКВД.

Знакомство с материалами дела М. Х. Готовицкого позволяет предположить, что он сам был арестован по доносу или по оперативной информации. По крайней мере, в обвинительном заключении говорится о поступивших на него «сведениях»¹⁴. Следствие вел начальник Советского райотдела НКВД, капитан госбезопасности Павел Иванович Конякин (1898 г. р.) — опытный сотрудник Московского УНКВД, который позднее будет назначен наркомом внутренних дел Чувашской АССР (репрессирован в 1939 г., погиб в заключении).

Допрос всех «бывших» обычно начинался с шаблонного вопроса: «Кого Вы знаете из бывших работников полиции и чиновников или деятелей царского правительства?»¹⁵. Этот простой прием позволял следствию постоянно расширять базу подозреваемых, не завися при этом от иных источников информации, таких как доносы и учетные данные. На обработку тех и других нужно было тратить больше сил и времени. Кроме выявления потенциальных кандидатур на арест следователь, очевидно, подбирал материалы для возможного группового дела. Существенным моментом могло стать наличие устойчивых межличностных связей: дружба, родственные или семейные связи. Выявление группы людей, лично связанных между собою подобными отношениями в рамках операции, давало оперативным и следственным работникам материал для создания группового дела, что особенно поощрялось руководством НКВД. Такой подход позволял перевести террор в новое политическое качество борьбы с организованным внутренним подпольем и внешним врагом и привлечь более широкий круг обвиняемых, при этом ужесточая наказание.

элементов» // «Через трупы врага, на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг.: в 2 т. Т. 1: 1937. М., 2010. С. 99–115.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.10035. Оп. 2. Д. 6826. Л. 123.

¹⁵ Там же. Л. 57.

Уже при ответе на этот вопрос Готовицкий называет девять человек, являвшихся до революции помещиками или политическими деятелями. Большинство «участников» были связаны давним знакомством. Шесть из них родились, были помещиками или служили в Саратовской губернии. Ф. А. Головин, упомянутый допрашиваемым, очевидно, выпадал из этого ряда. Во всяком случае его дело было выделено в индивидуальное производство.

Первый раз Готовицкий указывает на Ф. А. Головина как «председателя Государственной думы II созыва» в ряду прочих знакомых, причем отмечает, что виделся с ним после революции два раза — в 1935 и 1936 гг.¹⁶ Потом он еще раз возвращается к Ф. А. Головину для того, чтобы сообщить о его антисоветских разговорах. Именно этот фрагмент потом будет использован в обвинении бывшего председателя Государственной думы.

Протокол допроса Готовицкого так передает слова Ф. А. Головина: «Ну и Советская власть довели нас до нищенства несмотря на то, что я и др. лица имеют большие знания, а материально при этой власти существовать нет возможности, на приличную должность не устроишься. Раньше при царизме народ жил в прекрасных условиях, а сейчас нет жизни и никакой перспективы»¹⁷ (здесь и далее сохранена орфография оригинала. — *О. М., И. Г.*). Так же шаблонно переданы и слова о будущей войне, приписанные Головину: «По вопросу войны Головин проявлял пораженческие настроения, “В предстоящей войне победа будет на стороне капиталистов”»¹⁸.

Из архивных источников следует, что показания М. Х. Готовицкого стали определяющим фактором для ареста Ф. А. Головина. 11 сентября 1937 г. состоялся допрос М. Х. Готовицкого, на котором допрашиваемый назвал Ф. А. Головина, а 16 сентября было выписано постановление об аресте последнего. В деле Головина содержится выписка из допроса М. Х. Готовицкого от 11 сентября 1937 г.¹⁹, цитата из этого фрагмента допроса вошла в обвинительное заключение Ф. А. Головина.

Примечательно, что в ходе следствия по делу М. Х. Готовицкого было принято решение о переквалификации его действий с «систематической контрреволюционной агитации», что было зафиксировано в постановлении об аресте, на «создание контрреволюционной группы». Так, начиная с 16 сентября у остальных привлеченных по этому делу формулировка основания ареста меняется на «участие в контрреволюционной группировке». Далее события развиваются стремительно. Уже 29 сентября были осуждены «члены группы Готовицкого», пятеро из них, включая самого М. Х. Готовицкого, 8 октября были приговорены тройкой при УНКВД СССР по Московской области к расстрелу; на следующий день приговор был приведен в исполнение на полигоне

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 6826. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 57–58.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 19359. Л. 9.

НКВД «Бутово». Остальные трое, проходившие по делу, получили десять лет исправительных лагерей.

Дело Ф. А. Головина рассматривалось отдельно. Возможно, у следствия были особые планы по его разработке. Об этом косвенно может свидетельствовать длительный период нахождения Головина под следствием при общей скудости находящихся в следственном деле материалов. Действительно, Головин был арестован 16 сентября 1937 г., 17 сентября он был допрошен, причем это был его единственный допрос.

Архивно-следственное дело Ф. А. Головина вообще отличается лаконичностью: оно занимает всего 14 листов²⁰. Кроме протокола допроса самого обвиняемого в деле присутствуют только выписка из показаний М. Х. Готовицкого, о которых шла речь выше, и показания еще лишь одного свидетеля — Василия Ильича Зубкова, соседа Ф. А. Головина по дому.

Показания В. И. Зубкова, несмотря на шаблонность обвинений и возможную схематичную подачу следствия, весьма красноречивы. Бывший рабочий, а на момент следствия уже заведующий базой «Заготзерно», член ВКП (б) с 1919 г., член замкома и Моссовета, секретарь партийной ячейки, оказавшись в одном доме с классовым врагом, очевидно, испытывал к бывшему аристократу сильное предубеждение. Он характеризовал Ф. А. Головина «как человека, явно враждебно настроенного к Советской власти, систематически выражающего недовольство к мероприятиям Советской власти. Группирует вокруг себя чуждых советской власти людей ведет антисоветскую агитацию среди окружающих». Хотя эти штампы мало что говорят конкретно о настроениях Головина, В. И. Зубков сообщает одну интересную подробность: «Рабочая часть дома на всем протяжении существования Советской власти вела с Головиным Ф. борьбу, как с классово чуждым элементом»²¹.

Далее в протоколе допроса свидетель передает содержание иных высказываний, приписываемых Ф. А. Головину. Во время сбора помощи детям испанских рабочих он якобы говорил: «Сначала бы своих детей накормили и воспитали, а потом бы помогали Испанским, а то свои дети сидят голодные. <...> Фашизм в Испании победит неизбежно, а там и наших коммунистов щипать начнут». Во время проведения подписки на «Заем укрепления обороны Союза ССР» Головин якобы заявил: «Хозяева земли русской, опять прохозяйствовались, денег не хватает, побираться пришли, но займом дело не поправите, когда коммунисты управлять государством не умеют и ведут страну к разрухе»²².

По словам В. И. Зубкова, Головин также «является ярлым религиозным сектантом, группирующим вокруг себя ряд лиц религиозно настроенных, он неоднократно возводил клевету на советскую власть о якобы преследованиях

²⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 19359. Л. 1–14.

²¹ Там же. Л. 11.

²² Там же. Л. 11–12.

с ее стороны религиозных убеждений заявляя: «Советская власть только на словах предоставляет свободу религиозных убеждений, а на деле поарестовала всех попов и закрыла все церкви»²³.

На просьбу следователя еще дополнить свои показания свидетель, явно исчерпав свой запас, сообщает: «он [Головин] являлся видным политическим деятелем и членом партии кадетов»²⁴. На основании этих скудных показаний следствие сочло возможным обвинить Ф. А. Головина «в том, что, являясь враждебно настроенным к мероприятиям Советской власти, восхвалял царский строй и вел систематически контрреволюционную агитацию фашистского характера, т. е. в преступлении предусмотренным ст. 58 п. 10 УК РСФСР»²⁵. При этом сам Федор Александрович категорически отказался признать предъявленные ему обвинения: «По материалам следствия Вы уличаетесь, как враждебно настроенный к вождям ВКП(б) и проявляли по отношению их одобрение террористических действий? — Если против меня есть такие материалы, то я их отрицаю. Террористические действия не одобрял — Установлено, что восхваляли фашистский строй. Признаёте ли это? — Нет, не подтверждаю. Фашизм я не одобрял»²⁶.

Дело Ф. А. Головина было передано «на рассмотрение Тройке при Управлении НКВД МО», которая 21 ноября 1937 г. года вынесла свой приговор: «Быв.[ший] помещик, пред[седатель] 2-ой Гос[ударственной] Думы, актив[ный] церковник. Обвиняется в к-р агитации. Расстрелять»²⁷. Приговор был приведен в исполнение 10 декабря 1937 г. на территории Бутовской спецзоны НКВД.

Ф. А. Головин был реабилитирован в 1989 г., однако на сегодняшний день имя этого политического деятеля начала XX в. практически забыто широкой общественностью. Кроме научных публикаций, краеведческих и генеалогических работ его имя не попадает в поле актуальной исторической памяти современного российского общества. Важным исключением из этого правила является мемориальный комплекс, который создается приходом храма Новомучеников и исповедников российских в Бутове и мемориальным научно-просветительским центром «Бутово». Среди расстрелянных в Бутове имя Головина увековечено на гранитной стене мемориала «Сад Памяти» под датой его казни согласно расстрельным спискам НКВД — 10 декабря 1937 г. Краткая биографическая информация и фотография Ф. А. Головина (из следственного дела) представлены в постоянной экспозиции Музея памяти пострадавших в Бутове.

Заключение. Ф. А. Головин вошел в русскую историю как известный либеральный политический деятель, посвятивший многие годы участию в различных общественных и политических проектах, начиная от земского движения

²³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 19359. Л. 11–12.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 7–9.

²⁷ Там же. Л. 15.

и кадетской партии до парламентаризма и даже кратковременного руководства работой Государственной думы. Он оставил в истории неоднозначный след, далеко не всегда оказываясь на высоте тех требований, которые к нему предъявляла логика политической борьбы и государственной деятельности, но при этом его образ в истории имеет и привлекательные черты. В нем современники отмечали довольно редкое уже среди политиков его эпохи сочетание аристократизма, интеллигентности и служения Отечеству, «отпечаток благородства и выдержанности», по воспоминаниям Е. Я. Кизеветтер — жены известного историка, профессора Московского университета, деятеля ЦК кадетской партии А. А. Кизеветтера²⁸. То, что можно было бы назвать политическим идеализмом в далеко не худшем его варианте.

Литература

1. Гайда Ф. А. Головин Федор Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 190–194.
2. Гордеев П. Н. Ф. А. Головин: либеральный политик революционной эпохи // Российская история. 2021. № 1. С. 106–122.
3. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): Сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 29 с.
4. Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. Механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб.: Алетейя, 2020. 252 с.

References

1. Gaida F. A. Golovin Fedor Aleksandrovich [Golovin Fedor Aleksandrovich] // Rossiiskii liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediia / отв. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 190–194. (In Russ.).
2. Gordeev P. N. F. A. Golovin: liberal'nyi politik revoliutsionnoi epokhi [F. A. Golovin: liberal politician of the revolutionary era] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 106–122. (In Russ.).
3. Liagushkina L. A. Sotsial'nyi portret repressirovannykh v RSFSR v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): Sravnitel'nyi analiz baz dannykh po regional'nykh «Knigam pamiati» [Social portrait of those repressed in the RSFSR during the Great Terror (1937–1938): Comparative analysis of databases on regional “Books of Memory”]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2016. 29 p. (In Russ.).
4. Potapova N. A. «Kharbinskaia» operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg. Mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressii [“Harbin” operation of the NKVD of the USSR 1937–1938. Mechanisms, target groups and scale of repression]. St. Petersburg: Aleteiia, 2020. 252 p. (In Russ.).

²⁸ Кизеветтер Е. Я. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / публ. М. Г. Вандалковской, А. Н. Шаханова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. С. 378.